
CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

ШИЛЗ Э. ПРИЗВАНИЕ СОЦИОЛОГИИ. (Перевод с англ.)¹

Ключевые слова: социология; наука; социологическое воззрение.

Для цитирования: Шилз Э. Призвание социологии / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2026. – № 1. – С. 123–143.

Перевод поступил: 19.12.2025.

Принят к публикации: 10.01.2026.

SHILS E. The calling of sociology. (Translated from English)

Keywords: sociology; science; sociological outlook.

For citation: Shils E. The calling of sociology. Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2026. – N 1. – P. 123–143.

Received: 19.12.2025.

Accepted: 10.01.2026.

Установление и принятие социологии

От разнородности к единству

После Первой мировой войны интеллектуальные сейсмологи смогли уловить подземные толчки в психоанализе. Почва под Дре-

¹ Перевод сделан по источнику: Shils E. The calling of sociology // Theories of society: foundations of modern sociological theory / ed. By T. Parsons, E. Shils, K.D. Naegle, J.R. Pitts. – Glencoe : The Free press, 1961. – Vol. 2. – P. 1405–1448.

вом знания пришла в движение. Ствол сопротивлялся, но ветви тряслись, и трепетали листья. Источник этого потрясения был ясен и несомненен, и имя его автора все знали. После Второй мировой войны стала ощутимой еще одна вибрация. Она не переживалась так ярко, как психоанализ; с первого взгляда не было видно, что она бросает дерзкий вызов унаследованным этическим идеям. Иногда она кажется более подходящим предметом для интеллектуальной метеорологии, чем для сейсмологии; она больше похожа на наползающее облако, чем на резкий, ощущаемый телом толчок. Она подобралась, как туман, и явилась нам без всякого плана и видимого намерения. У нее нет единичного уловимого и именovanного источника. Она ненавязчиво была среди нас все время и овладела нами без предварительных объявлений. Она не пришла к нам, однако, из верхних слоев атмосферы. Явление социологии — нечто столь же фундаментальное, как и почва у нас под ногами; изменения, коими сопровождалось ее формирование, — это фундаментальные изменения в связях людей друг с другом и с вещами, которые они считают важными. Прежде чем распространиться среди нас и стать частью нашего мировоззрения, она долго и разными способами к этому готовилась.

Заботы советников государей, философов, призванных быть царями, разочаровавшихся моралистов, печальных критиков завоеваний и революций заложили зачатки социологических воззрений. Они дали ту отстраненность в ближайшем участии, которая служит основой социологического наблюдения. Начали складываться семейства традиций, соединявшиеся друг с другом, а затем снова расходившиеся. Слияние этих доакадемических традиций мысли и наблюдения, которые можно теперь ретроспективно видеть как источники социологии, произошло лишь недавно — определенно не раньше нынешнего столетия. Разнородные зачатки социологии оформились до возникновения университетов; но социология не смогла бы стать всеобъемлюще открытой и единой восприимчивостью, какой она сейчас является, не став предметом в современном университетском syllabusе. Относительно единая теоретическая ориентация, доминирующая в наши дни в социологических исследованиях, даже среди социологов, считающих себя ее противниками, не смогла бы появиться без проникновения социологии в университеты. Прежде чем обзавестись своей нынешней более широкой аудиторией, ей надо было стать университетским предметом; ей надо было стать университетским предметом в первую очередь и прежде всего. Она должна была стать академи-

ческой – академической по своему дому, академической по своему стилю, – чтобы обрести то единство, которым она сейчас обладает, и развить устремленность к еще большему единству.

Разброс конкретных социологических интересов был долгое время бичом вдумчивых социологов и мишенью для критиков. Собранное в единый университетский факультет, разнообразие традиций, вошедших в состав социологии, обнажило ее пестроту. Эта пестрота не шла вглубь; инстинкт университетских профессоров и администраторов, собравших вместе эти по видимости случайные вещи, был здоровым. Какое-то время казалось, что социология – просто коллекция того, что оторгли и вымели из себя другие, старшие академические социальные науки, в своих истоках тоже не академические. Но лучшим академическим умам не пристало терпеть хаос до бесконечности – даже если многие принимают его, некоторые им гордятся, а еще более многие неспособны его преодолеть.

Утверждение социологии как связного предмета, находящееся сейчас на начальной стадии, создание общей теории, и воспитание комплексной социологической восприимчивости, являющейся ее продуктом и ее источником, – все это очень многим обязано, как и едва ли не все в современном научном мире, великой эпохе немецких университетов. Не то чтобы социология в них процветала. На протяжении большей части своей истории в немецких университетах – в основном совпавшей с периодом утраты этими учреждениями их некогда великого положения – социология была скучным и неинтересным предметом. Она состояла из определений и классификаций, столь же сухих, как пыль, и таких же безжизненных. Был, однако, и подлинный импульс в этих усилиях. Они были попыткой сделать социологию систематической – т.е. превратить ее в связный корпус мыслей, собранных вокруг ряда фундаментальных проблем и фундаментальных понятий, вытекающих из этих проблем. Проблемой было формирование связного порядка, слаживание действий и их дезагрегация. Попытка эта была не очень успешной. Величайший дух немецкой социологии не преподавал социологию. Академическим немецким социологам никогда не удавалось выйти за пределы таксономии, в область динамики. Импульс, приданный объединению понятий немецкой университетской традицией, исчерпал себя в достижении классификации. Они не знали, как двигаться дальше; но, что важнее, у них не было стимула идти дальше. Им не доставало любопытства к особым действиям и к человеку и обществу вообще, чтобы пойти

вперед. Качество воображения и созерцательная острота ученых, на попечении которых находилась социология, были слишком невелики. Эмпирические достижения социологии были еще слишком скромными, а диапазон социологического интереса – слишком узким, чтобы дать социологической восприимчивости ту содержательно насыщенную и дифференцированную стимуляцию, в которой она нуждалась.

Тем не менее немецкая традиция систематических трактатов и учебников, приводящих в порядок всю совокупность знания, – хотя делалось это часто со схоластической педантичностью и рассматривалось некоторыми социологами как конечное состояние социологического развития – стала одним из источников движения, нацеленного на то, чтобы собрать широкое разнообразие разрозненных традиций, вошедших в состав социологии, в одну сложную дисциплину с центральной точкой зрения. Само сосуществование внутри одного факультета стандартного американского университета XX века криминологии, исследований семьи, человеческой экологии и городской социологии, исследований социального статуса, политической социологии, сельской социологии и многих других небольших областей академической социологической империи должно было со временем, благодаря безличному осмотическому процессу, собрать их в несколько большее единство. При этом независимой от этой возможности и более важной была выросшая из немецкой университетской традиции всеохватных учебников и систематических трактатов попытка систематизировать предмет в целом. Многие десятилетия такие попытки упорно предпринимались, но были тщетными. Социологическое воззрение – т.е. видение общества как непрекращающегося взаимодействия креативности, дисциплины, отказа и бунта на меняющейся сцене примордиальных, гражданских, священных и персональных объектов – все еще оставалось не артикулированным.

До конца 1930-х годов социология являла собой картину беспорядка. В Соединенных Штатах уже существовала разрозненная масса отдельных исследований, между которыми не было практически ничего общего, кроме живого любопытства к современной Америке и стремления к дисциплине в наблюдениях. В Британии делалось гораздо меньше; на микроскопическом уровне ситуация была такой же, как в Соединенных Штатах. В других странах эмпирические исследования были в диковинку. С аналитической стороны связная социологическая точка зрения, какой мы ее сегодня знаем, изредка приглушенно проявлялась в исследо-

ваниях учеников Парка, а также в работах Мэйо, Ретлисбергера, Уорнера, Лазарсфельда, Долларда и др. Она была нерешительной и неуверенной, а ее потоки – несоординированными. Со времен Вебера и Дюркгейма обнародование серьезной социологической теории едва ли продвинулось вперед. В Германии, Франции, Италии и Великобритании теоретическое движение начала века, по сути, остановилось. В Соединенных Штатах целенаправленных усилий в этом направлении было больше, но результаты не впечатляли. Фальстарты, бравшие за отправную точку психоанализ или бихевиористскую теорию научения, уходили в песок или растворялись в воздухе.

Поворотной точкой стала «Структура социального действия». Именно этот труд свел величайшие из частичных традиций в некоторую меру единства. Он стимулировал развитие социологического взгляда, имплицитно содержавшегося в наиболее интересных эмпирических исследованиях; он сделал эксплицитными сродство и взаимодополнительность социологических традиций, выросших из утилитаризма, идеализма и позитивизма. Он перенаправил социологию на ее классический путь и, сделав это, запустил медленный процесс выявления скрытых диспозиций, лежавших в основе роста социологической любознательности. Хотя аргументация этой книги была абстрактной и сложной, «Структура социального действия» очертила основные контуры конкретного социологического воззрения, вышедшего на сцену в академических штудиях и в публичной оценке социологии после ее появления.

От университета к более широкой аудитории

В своем по большей части зачаточном состоянии социология в 1920-е годы едва ли будоражила общественное сознание. Пожалуй, «Средний город» был первым трудом академической социологии, пробудившим и частично удовлетворившим потребность в самопонимании. Эта книга не оставила долговременного воздействия, разве что осознание того, что такие усилия возможны и будут приветствоваться. В 1930-е годы «Новейшие социальные тренды» и «Американская дилемма» освежили воспоминания о «Среднем городе» и подготовили почву для более широкого принятия социологии.

Меж тем, если не брать принимаемую от случая к случаю траекторию обособленного отчета о той или иной области обществен-

ного внимания, социология жила в основном в университетских стенах, выныривая оттуда в поисках материала и возвращаясь назад, чтобы переварить и впитать факты внешнего мира в академическую дисциплину. В Соединенных Штатах она вела тихую, в целом респектабельную жизнь, по большей части замкнутую в стенах университетов, где она была популярна среди студентов и окружена пренебрежением тех, кто практиковал другие академические дисциплины. В Британии до конца Второй мировой войны в академическом мире ее едва терпели, а ее проникновение в более широкую общественность произошло значительно позже. Также и в Германии после Первой мировой войны и до прихода нацистского режима, когда она ушла в изгнание, у социологии в университетах была бесплодно одинокая карьера, обычно встречаемая с пренебрежением и иногда смутно окрашенная бурлением. Зерно немецкой социологии дало всходы только после того, как его пересадили в Америку. Семя социологической теории не могло прорасти без оплодотворения эмпирическими исследованиями и диверсификации ее объектов; немецкие университеты давали мало возможностей и мотивов для таких исследований. Во Франции закрепление социологии было еще скудным и рассеянным; но насколько она вообще там существовала, она замыкалась в университетах.

Итак, многие годы социология жила своей жизнью; ее презирали и едва выносили публицисты, любители и профессора философии, экономисты и исследователи литературы. После ее закрепления в академическом мире удел ее не был счастливым. Даже соглашаясь с ее академическим выживанием, в интеллектуальном праве на существование ей часто отказывали. В Германии было много споров о самой возможности существования социологии – споров, зачастую завершавшихся отрицательным выводом. Сами социологи ощущали гнет этого презрения и тратили много сил на попытки оправдать свое существование – но не трудами, а доказательством того, что у них есть свое законное место в иерархии наук и что они практикуют область знания, у которой есть свой важный предмет и логически защитимое притязание на уважение. Они тратили много времени на выдвижение методологических принципов, не получавших ни подтверждения, ни руководства из матрицы опыта¹.

¹ Именно на этой стадии социологического развития Анри Пуанкаре сказал, что социология – это наука, производящая каждый год новую методологию,

Даже в прагматичной Америке, стране легендарной нетеоретичности, социология не могла противиться ощущению, что она обязана доказать себя с помощью довода, что полностью собранная семья наук с необходимостью требует существования социологии. Никого эти аргументы, в силу которых могли искать защиту их собственные посредственные усилия, не убеждали – и социологов они убеждали не больше, чем профессоров других наук с более долгой историей и более славными достижениями. Благодаря стойкости и упорству социологи, в конце концов, нашли свое призвание в исследовании. В Британии, а затем и в Соединенных Штатах утилитарное и гуманитарное попечение о бедных открыло дорогу к эмпирическим социологическим исследованиям. Ревущий поток иммигрантов в крупные города Соединенных Штатов нарушил викторианское спокойствие. Гуманистически настроенные социальные работники были встревожены нищетой и делинквентностью, и социологи пришли разделить с ними эту тревогу, умеряя ее любопытством и удовольствием от конкретных открытий. В конце второго десятилетия XX века кризис в отношениях между неграми и белыми – обнаженный и усугубленный движением населения в северные города – дал социологам еще одно расширение их владений. Он также дал им ограниченную уверенность в себе, приглушившую их более широкую интеллектуальную неуверенность. Внутри университетов Америки – чего совсем не происходило в Европе – в смежных дисциплинах на место прежнего пренебрежительного отношения пришел сочувственный скептицизм: департаменты конвенциональных наук о человеке с неприязнью приняли социологические начинания к сведению, а реальные науки проявили терпеливое снисхождение.

В 1930-е годы американская социология переживала заметную экспансию на своих перифериях. Ее популяция росла, и ее продукция тоже. Ей помогли Великая депрессия, приток беженцев из Германии и Австрии и наступление интеллектуального возраста у первого поколения потомков восточно-европейских иммигрантов, приехавших в Америку 30 лет назад. Исследования стали более сложными и изощренными ввиду развития новой дисциплины –

но никогда не производящая никаких результатов. Поскольку у нее было так мало содержания, теория оставалась пустой и лишенной направленности. Поскольку не было никаких результатов, методологические самооправдания социологии оставались пустыми и, что совершенно естественно, начисто лишенными убедительности.

статистики, а также благодаря совершенствованию опросных техник под влиянием психоанализа и индустрии опросов общественного мнения. Под влиянием психоанализа, марксизма и лучшего знакомства с трудами Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера стало чуть более изощренным и содержание. Этому в немалой мере способствовали влияние беженцев из Центральной Европы и индигенные процессы развития в американской интеллектуальной жизни.

Вторая мировая война дала социологам желаемые свидетельства их полезности. Их занятость во многих военных и гражданских ролях в качестве социологов наполнила их убежденностью в полноценном интеллектуальном гражданстве, коей им до этого так недоставало. Этому нарастающему чувству принадлежности к центральному кругу интеллектуального космоса соответствовала росшая среди государственных и гражданских чиновников, публицистов и в целом просвещенной общественности вера в то, что социологии есть что внести в национальную жизнь.

Социология продвинулась в академической иерархии. Ее глашатаи часто оказываются среди ведущих светил своих университетов. Другие дисциплины стали к ней почтительны или по крайней мере заткнули за пояс пренебрежение и заменили его внимательной недоверчивостью, затаенным любопытством или просто смирением. Политическая наука энергично учится у социологии. Антропология, солидная в своем знании фактов и связанная с реальными науками через физическую антропологию, готова вобрать в себя какую-то ее часть. Даже полные гонора экономисты готовы согласиться с ее правом на существование и допустить, что ей, возможно, есть что сказать. Кое-кого из американских социологов знают и уважают во всем академическом мире. Некоторые стали в Америке публичными фигурами, пророками того же порядка, что и знаменитые ученые и публицисты; их слава просочилась в Англию, Германию и Италию – и даже во Францию, интеллектуально самоудовлетворенной, но этим недовольной, о них слыхали.

Усовершенствованная социология военных лет, возросшее внимание к американским интеллектуальным делам после войны и – что, вероятно, самое важное – изменение в фундаментальной восприимчивости открыли дорогу к принятию социологии в театр публичной интеллектуальной жизни.

Уже один факт видного положения социологии в Соединенных Штатах волей-неволей должен был привести к ее присутствию в Европе с ее повышенным вниманием ко всему американ-

скому. Но сила приходит не просто – и даже не в первую очередь – извне. Внутри каждой из европейских стран волна более глубоко лежащих мнений возносит социологию ввысь, к ее академическому закреплению, общественному вниманию и оценке.

Таким образом, социология – бывшая в прошлом прямой и неуклюжей наукой, наукой американского Среднего Запада, тоскливой схоластической классификационной схемой немецких университетов – проникла в гостинные самых рафинированных интеллектуалов Соединенных Штатов и Европы. В Англии это призывный клич молодежи, обличающей старших за то, что их обскурантизм встал на пути ее академического утверждения. Социология стала подходящей темой интеллектуальных обзоров и лучших воскресных газет. Она стала инструментом трезвой оценки государственной политики и созерцания, оценки и критики качеств общественных классов. Она стала органом открытия другого человека.

Во Франции она тоже стала средством публичного интеллектуального дискурса, и разочарованные марксисты ринулись к ней, ища утешения за потерю веры. Французское правительство с невиданной щедростью выдает деньги на социологические исследования – и мы видим здесь комбинацию конкретности, созвучности времени и любознательности, которой не знали во Франции со времен Дидро, отправившегося в цеха изучать технологию своей эпохи. В Италии и Германии социология уже начала прокладывать себе путь в частном и государственном управлении и в своих притязаниях на общественные кошельки и внимание. Интеллектуальное пробуждение, коммерческая предприимчивость и молодость духа сливаются в строгое, тщательное, исполненное энтузиазма исследование современной среды. В Польше, самой негостеприимной среде, то, что было некогда всего лишь академической дисциплиной, стало дыханием самой жизни, шнуром, связывающим со свежей реальностью. В Польше притязание социологии на достойное место в современном *Weltanschauung* приобрело особую силу и выглядит особенно трогательно. Основания для признания, расширившего социологию и превратившего ее из академического предмета в часть всеобщего диалога, в Польше прозрачнее, чем где бы то ни было в мире. В Польше социология – сколь бы ни были ограничены ее интеллектуальные достижения – стала критикой безжизненной догмы; это декларация воли к жизни, и притом к жизни в конвивиальности со своим собратом.

Критика социологии извне заметнейшим образом сократилась. И все же критика есть, обычно недружелюбная и непонимающая. Она не такая, какой была некогда, — ни по объему, ни по резкости тона, ни по критикуемым объектам. Тридцать лет назад социологию принижали за то, что она ненаучна. Ее презирали, потому что она не могла обосновать свое место в какой-нибудь проблемной классификации наук. Ее обвиняли в «простом» собирании фактов без принятия во внимание их значения. Ее упрекали в том, что она просто переоткрывает то, что уже известно каждому мыслящему человеку, и делает это лишь с большими усилиями и высокими затратами. Над ней насмехались за ее озабоченность тривиальным. Ее высмеивали за ее склонность к громоздкой терминологии с порою туманными и слишком очевидными референциями. Она была противна гуманистам, опасавшимся, что ее «научные» процедуры разрушат то, что существенно в человеке, представят в ложном свете его природу и принизят его. Социологию винили в упразднении индивидуальности, в унижении человека бесчеловечным детерминизмом. Ей бросали обвинения в том, что она стремится возвести макиавеллианский режим ученых. Подчеркивалась скудость ее познаний в истории и исторического воображения; часто сетовали на ее избыточную и бездумную готовность к уничтожению уникальности исторических событий путем втискивания их в общие категории.

Каким-то образом, без всякой видимой причины — поскольку то, что было верным в этой критике, все еще в какой-то мере остается верным, — эти обвинения испарились. Не то чтобы социологи вошли в бой с этой критикой и опровергли ее разумными доводами; не сказать и того, что действительное развитие социологии сделало эту критику совершенно бессмысленной. Просто она куда-то делась. Критики и те, кто принимал их выпады, обычно не были очень уж сведущими в социологии или чуткими к ее недостаткам; в молчании их наследников резона не больше, чем в болтливости прежнего поколения критиков. За счет размаха своих стараний и масштабности своего закрепления, благодаря ряду своих достижений и особенно постепенному нащупыванию своего подлинного призвания социология попросту успешно навязала себя своим критикам. После Второй мировой войны можно было слышать лишь отдельные отзвуки старых споров, да и те были слабыми.

Арьергардные выпады выражают опасения относительно литературной незелегантности социологии и ее империалистической связи с денежными закромами фондов и правительств. Со-

циологов теперь упрекают – и часто правомерно – в том, что они не излагают свою мысль легкодоступным для понимания и грамматически правильным языком. Но их интеллектуальное право делать то, что они делают, интересность и ценность получаемых ими результатов в целом возражений не вызывают. Только в поредевшей старой гвардии все еще можно столкнуться с давно устаревшими жалобами на то, что социология не определила должным образом свой предмет и свои границы с другими академическими дисциплинами, что она в конце концов вообще не наука, что она слишком сосредоточена на актуальном или что это одно из сумасбродств, которые вполне могла позволить себе богатая, полная энтузиазма и юная духом Америка, но от которых здравомыслящим странам хорошо бы держаться подальше.

Большинство этих внешних сетований принадлежит прошлому. Они не помогали социологии перерасти ее слабости, когда эти слабости были более очевидными, а критика – более жесткой и обильной. Критика, которую социология получает извне круга своих практиков, в силу ограничений, заданных невежеством и недоброжелательством, все еще обречена быть ограниченно полезной в ее движении к совершенству. Усовершенствования необходимы в каждом аспекте социологии, и не просто потому, что она наука и, будучи таковой, привержена постулату прогресса. Ее совершенствование, однако, неизбежно будет порождаться изнутри самого социологического предприятия, потому что только долгое соприкосновение с социологическим воззрением и пропитывание этим воззрением может заложить предпосылки для ее углубления, дифференциации, расширения и для той трансформации, которая ей требуется.

Интеллектуальная дисциплина и моральное чувство

Итак, социология выдержала нападки интеллектуальных реакционеров. Она их пережила и была принята новым поколением, более открытым в чувствах, чем его предшественники, и определенно не уступающим им в уме. Как социологии после всех ее бесплодных усилий, направленных на поиск гражданства в интеллектуальном сообществе, и несмотря на ее нынешние неопределенности и несовершенства удалось достичь своего теперь уже почти неоспоримого принятия?

Первым, самым очевидным и самым рациональным объяснением будет действительное улучшение социологии. Социология

достигла прогресса – и не просто в своем институциональном положении и финансовом благополучии. Она достигла действительного интеллектуального прогресса. Даже тот, кого нынешняя социология часто ужасает своей наивностью и незрелостью, не может не заметить признаков ее улучшения. Социология ныне богаче в своем восприятии возможностей и в своих оценках того, почему произошло одно, а не другое. Накопление систематических исследований отдельных явлений – таких как структура среднеклассовой семьи в западных промышленных обществах – и расширившееся видение возможностей, рожденное растущей интеллектуальной дружбой с историей и антропологией, принесли больше тонкости в интерпретации.

Наша эпоха Большой Лжи – это также и эпоха большей правдивости в отношении чувств; возможно, Большая Ложь побудила многих разумных людей с подозрением относиться к высокопарным утверждениям о мотивах. Психоанализ определенно этому способствовал. Какова бы ни была причина, социологи в наши дни более способны и более склонны включать в свои наблюдения переживание ситуаций, как они представляются тем, кто в них живет, прислушиваться к действительному опыту и чувствам, которые он вызывает. Уже одно это составило бы огромный прогресс по отношению к социологии полувековой давности; а за счет концентрации и дисциплины оно представляет прогресс даже по отношению к проницательности классиков.

Социология также заметно прибавила изощренности в наблюдении и в анализе наблюдения. Ее связи с более продвинутыми дисциплинами – математикой и статистикой – стали более тесными. Кроме того, она вышла из глухой изоляции, которую некогда считала необходимой для собственного самоуважения, и вошла в соединение с предметами других областей, с более весомыми темами политики и религии.

Иногда рука об руку с этим более рафинированным и реалистическим пониманием и этой более сложной технологией, иногда двигаясь в своем самостоятельно заданном темпе, шла вперед и теоретическая рефлексия. Если четверть столетия назад были рассыпаны отдельные ярких положений и имплицитная точка зрения социологического воззрения, то теперь постоянно предпринимаются энергичные усилия к объединению этих разрозненных положений и к артикуляции и выделению воззрения, которое обеспечивает это

единство. Многие социологи мучаются над *medicina forte*¹, навязываемым этим теоретическим предприятием; враждебно настроенные критики видят в нем повод позубоскалить. Однако факт остается фактом: как бы худшие ни глумились, они знают своих лучших; а теория движется вперед, навязывая себя даже тем, кто верит, что ее отвергает.

Таковы некоторые интеллектуальные основания принятия социологии. Есть и другие, одни менее восхитительные, другие – более. Популярность социологии как предмета во многих американских университетах должна отчасти быть функцией очень скромных требований, предъявляемых к интеллекту и усердию студентов значительной частью социологической педагогики; и это, в свою очередь, увеличило профессиональную социологическую популяцию и расширило аудиторию для лучшего вида социологии. Для другой – меньшей, но интеллектуально гораздо более значимой – части молодежи Америки, а также Европы социология стала заменой или дополнением марксизма. Мир практических дел, ввиду фантазий о всемогуществе науки, чрезмерного изобилия или скромного желания лучше понять ситуацию, в которой принимаются решения и совершаются действия, также поощрял развитие социологии. Он просил у нее помощи и совета, поддерживал ее изыскания и финансировал ее изучение.

Короче говоря, социология была в разной степени и по-разному принята во всем образованном мире. Отступающий арьергард ее врагов мог бы еще утверждать, что ее принятие – одна из черт общего падения ума и моральной дисциплины, проявляющего себя в потере уважения к старшим, нежелании честно изо дня в день трудиться, половой распущенности, гедонизме и других предполагаемых пороках нашей эпохи. Другие, чуть больше – но ненамного – о ней думающие, могли бы утверждать, что в ней выражен умственный хаос, охвативший тех, кто отказался от идолов племени, класса и церкви и остался один на один с собой в неизведанной пустоши мира.

Мы видим это несколько иначе. Научные, практические, политические объяснения принятия социологии – все это часть картины. Вместе с тем мы думаем, что недавнее принятие социологии – исторически уникальный феномен, соответствующий великому прогрессу человеческого рода. Социология нашла свое признание, поскольку это орган переживания более широкой жизни, жизни,

¹ Здесь: сильнодействующее средство. – Прим. пер.

простирающейся к другим человеческим существам. Это одно из важнейших проявлений протекания жизни в обществе, в котором чувство сродства людей друг с другом перешло из мыслей философов в действительный опыт, пусть даже и фрагментарный. Социология явилась как орган связей, образующих современное общество в новейшей его фазе. Социология вошла в свое нынешнее состояние, поскольку ее собственное развитие в целом соотносится с развитием сознания человечества в его моральном прогрессе. Новейшая фаза современного общества – называемая ее ненавистниками «массовым обществом» – обладает рядом ужасных черт, которые социология с ней разделяет. В ней есть некоторая расположенность к научной технократии, и социология не совсем от этого в стороне. Ее вульгарность на порядки заметнее, чем в более иерархических обществах прошлого; и социология разделяет с ней эту вульгарность. В ней есть свои глубокие и жестокие отчуждения в виде коммунистических, фашистских и национал-социалистических партий и их попутчиков; социология, вне всяких сомнений, причастна к этому отчуждению, упивается им и даже вносит в него свою лепту.

Тем не менее это далеко не вся история. Современное общество, особенно в позднейшей его фазе, – характерно консенсусное общество; это общество, где личные достижения играют большую роль, чем в большинстве обществ прошлого, где ценится индивидуальный человек и есть забота о его благополучии – не просто в ветеринарном смысле, а в смысле нравственной личности. Гуманизм нынешней эпохи, выходящий за границы национальных обществ; растущее признание, а также требование морального равенства рас; политика благосостояния государств и их грезы о благосостоянии; само желание угождать; большая забота о правах живущих, чем о притязаниях мертвых, – все эти черты сегодняшних западных и во все большей степени современного сектора незападных обществ демонстрируют нам заботу о счастье индивидуального человека и ценность морального достоинства его внутренней жизни.

Социология в своем развитии движется почти параллельно этому глубокому и широкому речному потоку современной жизни. От далекой и почти полицейской заботы о «положении бедных», от заботы о численности населения как о ключе к национальному богатству и могуществу, от желания «сорвать маски» и развенчать надежды и фантазии человечества социология пришла к фундаментальной ориентации – присутствовавшей в зачаточном виде в

классике и ныне предварительно разрабатываемой в доминирующем направлении социологической теории, – которая ценит не просто животные или механические свойства человека, но и его когнитивную, нравственную и восприимчивую человечность. Это соответствовало, в названных категориях, процессам развития во всех морально и интеллектуально восприимчивых частях человечества. Социология – часть этого роста человечности.

Эта ориентация манифестирована как в технике социологии, так и в ее теоретической ориентации. Популярность интервью – не просто продукт научной необходимости. Это также и акт человеческой конвивиальности. И тут и там ценится глубинное товарищество людей – то, что Франклин Гиддингс давным-давно, еще не зная вполне, о чем он говорит, назвал «сознанием рода». Базовая техника социологического исследования – интервью, – несмотря на все ее искажения и порчи в исследованиях рынка, является одним из способов, которым выражается это товарищество. Книги, которые получаются из этого вида исследования, – плоды сотрудничества в гораздо более важном смысле, чем в смысле широко практикуемых исследовательских команд. Разработка теории действия – это утверждение основ конвивиальности. Она берет человека как объект социологического исследования через акт общения между объектом и субъектом. Этот акт общения признается через выдвижение категорий личности, общества и культуры, которые так же применимы к аналитику, как и к анализируемому объекту, так же применимы к акту анализа, как и к анализируемым действиям.

Социология в ее нынешнем виде есть слияние множества традиций, интеллектуальных и социальных. Она проистекает из эмпирического инвентаря, впервые разработанного в Великобритании в XVII–XIX вв. Она проистекает из немецкого идеализма, из французского позитивизма и из британского утилитаризма. Она не была бы возможной без педантичной систематизаторской традиции немецких университетов и открытого, авантюрного беспорядка американских университетов. Ее не могло бы быть без гуманитарного гуманизма современного общества, без фундаментальной моральной революции, провозгласившей, что «самый последний бедняк в Англии должен иметь возможность прожить такую же жизнь, как и самый могущественный человек». Она не могла бы возникнуть без эмпирических исследований, зачастую казавшихся никуда не ведущими и тем не менее игравших важную роль в обо-

стрении нашего чувства социальной реальности и в подготовке нашей восприимчивости к новым опытам.

В каком-то смысле предпосылками нынешнего улучшения социологии были ее внутренняя нескладность и академическая изоляция. Первая дала ей многообразие опыта и настолько аномальную разнородность, что из этого родилась потребность в единстве. Последняя поместила ее в поток традиции, в которой единство было ценным объектом устремлений.

В Германии только в схематичной работе Макса Вебера эта интенция к объединению увенчалась хотя бы частичным успехом. Этот успех, каким он был в его случае, был достигнут постольку, поскольку он вырос из матрицы действительного интеллектуального опыта эмпирических и исторических исследований и направлялся суждением и восприимчивостью одного из самых могущественных умов и одной из самых страстных личностей своего времени.

Социология ныне начинает осуществлять некоторые из возможностей, заложенных Максом Вебером, Дюркгеймом и Фрейдом. Воззрение и диспозиция, на которых держится более единая и реалистичная социологическая теория, постепенно обретают более ясную форму. Они все еще несовершенны. В попытках эксплицитной формулировки, в неустанных попытках справиться с эмпирическими наблюдениями, к которым она зовет, в пробелах и на границах таких формулировок вызревает общая ориентация. Сегодняшняя жизненность социологии и надежда на ее прогресс кроются в этой ориентации. Они существуют в протосистеме озарений, частичных положений, с трудом завоеванных и часто мучительно разрабатываемых категорий и, прежде всего, культивируемых восприимчивостей, из коих все это проистекает. Рассудочные достижения, полученные на данный момент, как бы важны они ни были, ничто по сравнению с этим.

Оформление этой ориентации – до сих пор главное достижение социологии. Ее строго научно установленные общие истины все еще очень немногочисленны, и они не находятся в центре социологической мысли. Достижения социологии в конкретных описательных исследованиях тоже более важны для общей ориентации, которую они во все более утонченной форме экземплифицируют, чем для отдельных деталей, ими передаваемых, которые сами по себе представляют часто лишь преходящий интерес.

Общая ориентация – не цель социологической теории; но это самый важный побочный ее продукт и предварительное условие.

Социологическая теория не смогла бы ни в нынешнем, ни в любом мыслимом будущем своем состоянии от нее избавиться. В то же время один из самых плодотворных методов обогащения и стабилизации этой общей и негласной ориентации состоит в неустанном усилии быть систематически и со всей отчетливостью теоретичными.

Социология и наука

Социология родилась в научную эпоху, но не была творением научного духа. Проблемы социологии – старые проблемы; по крайней мере, фундаментальные проблемы старше научной эпохи. Они воспринимались и выдвигались без мысли сделать их научными в нынешнем смысле слова – хотя научные метафоры времен их зарождения входили в их формулировку. Фундаментальные проблемы условий установления и изменчивости порядка, условий эффективности авторитета, вхождения индивидуального организма в культуру и коллектив – все существенно старше современного научного мировоззрения. С вступлением в научную эпоху они остались собственными проблемами социологии. Попытки извлечь общие принципы или законы из частных наблюдений и конкретного опыта и делать это в рамках некоторой интеллектуальной традиции, конечно, старше научных исследований, какими мы их сегодня знаем.

Тем не менее, на пользу или во вред, социология находилась под колоссальным влиянием научного образца. Преимущества, полученные ею от научной среды в современной культуре вообще и в университетах в частности, были бесценны. У науки она переняла добродетель дисциплины. Она научилась критиковать качество своих наблюдений. Она научилась контролировать и упорядочивать свое наблюдение – переняв не только специфические техники, но и, что даже важнее, идеал отстраненного, беспристрастного наблюдения. Она научилась кропотливо отбирать объекты своих исследований; она усвоила преимущества спецификации категорий событий, подлежащих исследованию, и стабилизации исследовательской процедуры. Она усвоила плодотворность дисциплинированной, рутинизированной оценки данных, собираемых через направляемое правилами наблюдение.

Из науки социология почерпнула идеал теории, тесно, диалектически и систематически связанной с ее наблюдениями. Все это колоссальные приобретения; и в той степени, в какой социоло-

гия стала наукой, она сделала это, соизмеряясь со стандартами, усвоенными и адаптированными из преобладающих наук.

Поскольку наука – это связный корпус эмпирически подтвержденных положений, сохраняющих свою устойчивость в особом теоретическом каркасе и поддерживающих этот каркас, социология сегодня не наука. Эмпирически верифицированных положений на низком уровне отдельных частных много; по мере восхождения к общему их становится меньше – не потому, что структура любой науки этого требует, а в силу недостаточной связности аналитической схемы, явно или неявно направляющей эти исследования, и потому, что исследовательские техники до сих пор остаются недостаточно хорошо адаптированными к наблюдению более абстрактно сформулированных переменных.

Ввиду этого и теория не стала в достаточной мере артикулированной и эксплицитной. Разрыв между общей теорией и действительным наблюдением все еще значителен, хотя социологическое воззрение, заключенное в теории, выходит за пределы эксплицитной теоретической формулировки и все больше проникает в исследовательскую деятельность. Социологическое воззрение, между тем, по крайней мере столь же двусмысленно, сколь и существующая теория; и задача установления точного соответствия «терминов-индексов» и «терминов-понятий» все еще очень и очень далека от завершения.

Таким образом, в своих процедурах наблюдения и «обработки данных» социология начала приближаться к состоянию науки, хотя даже на уровне частных результаты ее работы слишком часто остаются неопределенными, а проблемы деформируются избыточными техническими пристрастиями. Именно в своих связях с теорией социологическое исследование менее всего удовлетворительно с научной точки зрения. Сама социологическая теория не научна ни в смысле обеспечения исследований точной направленностью, ни в смысле точной направляемости ее самой результатами исследований. По своему внутреннему устройству социологическая теория тоже не очень научна; и это в равной мере относится и к общей теории, и к тем теориям средних принципов, которые кое-кто из критиков общей теории предлагает как наилучший путь в сторону науки.

Несмотря на эти критические замечания, следует признать, что с годами социология стала более научной, так что она, некоторым образом, не только ублажает научного идола, но и являет подлинный интеллектуальный прогресс. Каждое десятилетие послед-

него полувека видело нарастающую солидность. Наблюдения производятся лучше; изобретаются и применяются новые, лучшие техники наблюдения; теория становится более всеохватной и более дифференцированной; отдельные исследования больше подчинены социологическому воззрению, вскормленному теоретической рефлексией. Этот прогресс — не просто количественное нарастание от десятилетия к десятилетию научных свойств.

Растет также и преемственность, и источники вдохновения становятся более консолидированными и более влиятельными. Социология все больше становится коллективным предприятием. Мы имеем в виду не факт организованных исследований в команде, а тот смысл, в котором социологи — одинаково теоретики и исследователи частных проблем — обрели себя как членов сообщества, вовлеченных в большое общее дело. Ни один социолог в наши дни не считает, что начинает с нуля или что его работа — последнее слово на ту тему, которую он рассматривает. Есть *virtuosi*, но они занимают свое место в традиции изучения своего предмета. Их достижение состоит в углублении его толкования, в его расширении и укреплении, а не в каком-то совершенно отдельном от всего акте творчества. Их чувство ответственности за будущее предмета, вырастающее из его прошлого, есть качество, которое подводит социологию ближе к науке, чем это было в период обособленных интеллектуальных достижений, когда было много стартов — иногда ложных, иногда истинных, но большинство из которых ни во что не выливалось. Кумулятивность, построенная на самопересматривании и самоуглублении, существенна для науки; и сегодня она стала характерной для социологии. В какой-то части это результат размещения ее центра в мире университета, делающем основной упор на дисциплинированную преемственность. Кроме того, это результат расширения интереса и симпатии, а также более острой потребности в единстве в центре этих разросшихся просторов. Традиции социологии теперь уже не так дискретно гетерогенны, как это всегда было в прошлом. Социология одновременно и более разностороння, и менее эклектична, чем прежде. Среди наиболее творческих работников в этой области и их наиболее продуктивных последователей никоим образом нет полного консенсуса; но формирование приблизительного консенсуса, необходимого для определения истинно научного сообщества, уже полным ходом идет, и возможности его роста, несомненно, еще не исчерпаны.

Нет ничего в природе предмета социологии, что не позволяло бы ей стать более научной, чем сегодня. Сам факт, что социоло-

гия за прошедшие полвека проделала такой прогресс к состоянию науки, свидетельствует о том, что этот предмет допускает прирост научного компонента в его трактовке. То, что было достигнуто в прошедшие полвека, делает разумно вероятным, что в следующую половину столетия научные черты социологии станут в этом предприятии более важными. Станут ли они при этом также более центральными – это уже другой вопрос.

Представим, что со временем социологии удастся сформулировать и доказать законы, имеющие универсальную валидность, – подобных которым она пока не знает. Поместило бы это социологию в круг естественных наук? Отсекло бы это всякие ее связи с гуманитарными дисциплинами? Наоборот, это показало бы, что конвенциональное различие между научными и гуманитарными дисциплинами плохо продумано. В лингвистике вычленение универсальных регулярностей пошло дальше, чем в социологии. Но делает ли это лингвистику менее гуманитарной, чем социология? Так было бы лишь в случае, если бы природа предмета не имела значения, а логическая структура системы положений и степень их подтверждения служили решающими критериями, разграничивающими научные и гуманитарные дисциплины. Социология никогда не смогла бы стать просто естественной наукой вроде физики или астрономии, даже если бы ее логическая структура стала неотличима от логической структуры физики или астрономии. Природа базовых категорий действия не допускает *полного* отождествления, хотя и не стоит на пути тождества логической структуры или даже приблизительно равной меры надежности доказательства.

В чисто когнитивном отношении социология могла бы стать наукой, подобной любой другой науке, и она вполне может таковой стать. Однако социология – не чисто когнитивное предприятие. Это еще и моральная связь между изучаемыми людьми и исследователем людей. Это легко увидеть в ситуации полевого исследователя, который должен установить отношения доверия со своими информантами и информаторами, должен вызвать чувства вроде дружбы и привязанности в них и в самом себе. Естественно, должен быть и немалый элемент отстраненности; иначе когнитивный интерес будет подавлен неизбежной конвивиальностью. Проблемы, поднимаемые этой связью, социологи еще не решили, но они не могут с легким сердцем ими пренебречь.

Это касается не только процедуры социологического исследования, но и результатов исследования тоже. Сообщение резуль-

татов исследования – действие, оказывающее воздействие на мнение. Оно естественным образом нацелено на то, чтобы повлиять на мнение других социологов; намеренно или нет, оно будет также воздействовать на мнения и действия других лиц, включая те классы лиц, с которыми исследование имеет дело. Но это, как говорили некоторые авторы, не обесценивает сообщаемое положение. Это положение остается истинным, если оно было истинным, когда впервые было озвучено. Вместе с тем оно поднимает вопрос о правильных формах социологической речи о живых людях и о текущих событиях.

Логическая структура социологического положения не могла бы быть затронута этими замечаниями. Социология – не только наука; это в то же время риторика, направленная на открытую ситуацию. Риторика социологии в очень серьезном смысле требует меж тем большей осторожности, чем до сих пор в ней соблюдалось. Позитивный исход такой рефлексии неясен; но я совершенно уверен в том, что риторику естественных наук, не находящихся в коммуникации с данными их исследований, придется в значительной мере пересмотреть для целей социологии. Это в одинаковой степени относится и к отчетам о самых конкретных исследованиях, и к абстрактным теоретическим трактатам, и в не меньшей степени к теориям среднего диапазона.

*Пер. с англ. В.Г. Николаева**

(Продолжение следует)

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vn1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vn1968@yandex.ru